

Научная статья

УДК 94(47)“192”

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.11

Национальный вопрос и развитие цивилизаций в работах Э. Хара-Давана

Владимир Юрьевич Быстрыков

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия, bokshich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1164-8203>

Аннотация. Одним из видных представителей послереволюционной эмиграции был Эренджен Хара-Даван (1885—1941). В современной научной литературе его творчество часто ассоциируется с евразийским движением, и он считается одним из его идеологов. Евразийцев и Э. Хара-Давана связывал интерес к истории Монгольской империи и ее влияния на становление русской государственности, но этим его творчество не исчерпывалось. Большинство своих работ он посвятил рассмотрению национального вопроса и устройству калмыцкого народа. Будущее Э. Хара-Даван видел в обособлении наций, населявших Российскую империю, и в дальнейшем развитии их сотрудничества, вплоть до образования Лиги народов Востока. Он испытал определенное влияние евразийской концепции в своих работах, но в изучении национального вопроса был самостоятельным мыслителем с собственным видением исторического процесса и будущего устройства калмыцкого народа.

Ключевые слова: евразийская идеология, Э. Хара-Даван, история русской эмиграции, национальный вопрос.

Для цитирования: Быстрыков В. Ю. Национальный вопрос и развитие цивилизаций в работах Э. Хара-Давана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 156—168. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/11_46_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.11.

Original article

National question and development of civilizations in the works by E. Khara-Davan

Vladimir Yu. Bystryukov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia, bokshich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1164-8203>

Abstract. One of the prominent representatives of the post-revolutionary emigration was Erenzhen Khara-Davan (1885—1941). In modern science, his works are often associated with the Eurasian movement, and he is considered to be one of its ideologues. Both E. Khara-Davan and the Eurasians were interested in the history of the Mongol Empire and its influence on the formation of Russian statehood, but his work did not end there. E. Khara-Davan devoted most of his works to the national question and forecasting the future development of the Kalmyk people. E. Khara-Davan saw the future in the separation of the nations inhabiting the Russian Empire and the further development of their cooperation, right up to the formation of the League of the Peoples of the East. He experienced a certain influence of the Eurasian concept in his works, but in the study of the national question, he was an independent thinker with his own vision of the historical process and the future structure of the Kalmyk people.

Keywords: Eurasian ideology, E. Khara-Davan, history of Russian emigration, national question.

For citation: Bystryukov V. Yu. National question and development of civilizations in the works by E. Khara-Davan. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 2 (46), pp. 156—168. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.46.11>.

© Быстрыков В. Ю., 2023

Введение

Личность Э. Хара-Давана является знаковой в истории калмыцкой и русской эмиграции в 1920—1930-е гг. В современной литературе преобладает мнение о принадлежности Э. Хара-Давана к евразийству и о его большом вкладе в развитие исторической концепции движения. Однако оно не соответствует тому факту, что он опубликовал только две статьи на страницах «Евразийских сборников» и не участвовал в организационной работе движения. Его книга «Чингисхан как полководец и его наследие» была написана под сильным влиянием евразийства, и он обширно цитировал работы П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и Г. В. Вернадского. Но это был самостоятельный издательский проект, организационно и финансово никак не связанный с движением. Евразийцы использовали тезис о «монгольском наследстве» для обоснования концепции «России-Евразии» и антизападничества как основного вектора своей доктрины. Э. Хара-Даван больше интересовался историей собственно Монгольской империи. Он практически не использовал слова «Евразия» и «евразийский» в своем тексте, геополитика для него отходила на второй и третий планы. Поэтому тезис о «большом вкладе в идеологию евразийства» не отражает всех аспектов его научного наследия [5].

Современная историография редко обращается к трудам Э. Хара-Давана, опубликованным за пределами евразийских изданий. Между тем их анализ позволит сопоставить его взгляды с основными постулатами евразийской концепции. Е. Н. Кушнир рассматривает вклад, который внес Э. Хара-Даван в укрепление позиций движения благодаря указанию на множество фактов и использованию источников, которых не было в работах других евразийцев (за исключением Г. В. Вернадского) [10, с. 300]. Г. А. Донирова считает, что для Э. Хара-Давана «евразийский взгляд на историю» стал ориентиром в осмыслении закономерностей жизни народов и государств [8, с. 18]. Г. А. Сорокина называет Э. Хара-Давана, в отличие от других евразийцев, «последовательным востокоцентристом». Она указывает на двойной положительный эффект влияния его трудов — они способствовали консолидации российских буддистов и повлияли на дальнейшее развитие евразийских идей [18, с. 149]. В Предисловии к сборнику Э. Хара-Давана, куда помимо его евразийских статей вошло большое количество иных работ, П. Э. Алексеева пишет, что концепцию национального будущего он сформировал под влиянием идей евразийства [1, с. 5].

Интересный очерк жизни калмыцкой эмиграции в 1920-е гг. представлен у Д. Ю. Топаловой. В нем она практически не упоминает о евразийстве, только обозначая книгу Э. Хара-Давана как написанную на основе евразийского учения и рассматривая реакцию на нее представителей калмыцкой эмиграции. Д. Ю. Топалова отмечает, что квинтэссенцией работы Э. Хара-Давана стала мысль о величии и скрытой силе Монгольской империи, и пишет, что он также высказывался и по поводу административного устройства калмыков и культурного развития калмыцкой нации [20, с. 201].

Похожим образом характеризуют мысли Э. Хара-Давана по национальному вопросу и проблеме будущего устройства калмыцкого народа и другие авторы [17, с. 51].

Л. С. Бурчинова дает оценку политическим взглядам Э. Хара-Давана, указывая, что он связывал будущее калмыцкого народа с образованием Юго-Восточного Федеративного союза [4, с. 217]. В нескольких работах дается характеристика книги «Чингисхан как полководец» как евразийского произведения [3; 7; 11—13; 19], хотя некоторые авторы практически ничего не пишут о евразийстве Э. Хара-Давана [2; 9]. Р. Р. Вахитов указывает на различия во взглядах евразийцев по национальному вопросу и на то, что Э. Хара-Даван, отстаивая свои взгляды на будущее устройство России, полемизировал с другими евразийцами, но не приводит примеры такой полемики [6, с. 182]. Национальный

вопрос Э. Хара-Даван изучал именно как представитель евразийского движения, и в нем он солидаризовался с К. А. Чхеидзе (Р. Р. Вахитов называет их «азийцами») по вопросу будущего федеративного устройства России. Они предлагали более мягкий принцип объединения республик, близкий к конфедерации [6, с. 180].

Таким образом, в современной литературе большинство исследователей изначально исходят из тезиса о принадлежности Э. Хара-Давана к евразийству. В итоге его «евразийские работы» смешиваются с остальными и получается, что он повлиял и на буддистов, и на евразийцев, а в самом движении принадлежал к группе «азийцев». Также следует отметить, что в историографии представлены достаточно подробные биографические данные о жизни Э. Хара-Давана до революции [4; 6; 18], в годы Гражданской войны [15], а также в эмиграции [14].

Целью статьи является анализ взглядов Э. Хара-Давана на развитие цивилизаций и на национальный вопрос в России. Для ее достижения необходимо проанализировать его статьи, опубликованные в различных эмигрантских изданиях и сопоставить его идеи с постулатами евразийской концепции.

Источниками исследования послужили работы Э. Хара-Давана, опубликованные в различных эмигрантских изданиях: «Ковыльные волны», «Ойрат», «Вольное казачество», «Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч.С.Р.», «Утверждения», «Улан Залат». Хронологические рамки исследования включают этап с 1920 г. — время переезда Э. Хара-Давана в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) — по 1941 г., дату его смерти. Территориальные рамки включают Королевство сербов и хорватов и словенцев (Югославия), в котором прошел эмигрантский этап жизни и деятельности Э. Хара-Давана.

Результаты исследования

Оценивая роль наций в современном мире, Э. Хара-Даван использовал метафору букета как человечества и каждой нации как цветка в этом букете. Соответственно он утверждал ценность личности и отдельной нации [25, с. 8]. Разнообразие национальных культур являлось условием развития цивилизации. «Самоутверждение в своей национальной культуре — необходимейший и первейший этап народного развития», средство служения единой всечеловеческой истине [29, с. 53]. Он считал, что национальный вопрос был поставлен в XIX в. путем развития идеи права каждого народа на самостоятельную историю и на свое государство. Катаклизмы начала XX в. укрепили в каждом народе, даже небольшом, осознание себя как коллективной личности. Дальнейший путь развития состоял в образовании однонациональных государств. Философское обоснование этой идеи он видел в работах В. С. Соловьева, видевшего в каждой народности соборную личность и Вселенную Соборность Человечества как систему соборно-национальных индивидуальностей. Политическая независимость народа может обеспечить права народов на самоопределение и самостоятельное развитие [24, с. 12].

Э. Хара-Даван предлагал следующие методологические посылы для решения национальных задач: осознание духа и идеи эпохи, следование национальным интересам, исходя из «здорового национального эгоизма», а не «из согласования с желаниями, интересами и волей другого народа». Редакция журнала «Улан Залат» не соглашалась с последним пунктом и делала подстрочное замечание, что он является «изменой национальным интересам, тем самым исключая самую идею национального самоопределения» [33, с. 33].

Достаточно много Э. Хара-Даван писал о закономерностях развития различных цивилизаций. Рассуждая о непохожести калмыцкой и европейской литературы, он делал интересные предположения о том, что в мире существуют две культуры — европейская, или греко-римская, и восточная (Индия — Китай), а все остальное является их ветвями

[23, с. 21]. Он писал о русском, украинском, грузинском и т.д. национальных ручьях, образовавших «реку российской культуры», подобно как немецкий, французский, английский образовали европейскую культуру.

Подобно П. Н. Савицкому в работе «Европа и Евразия», Э. Хара-Даван призывал активно пользоваться материально-техническими и экономическими достижениями западной цивилизации, при этом не заимствуя строй идей. Образец в этом он видел в Японии, считая, что японский народ смог сохранить «хорошее и духовное». Он различал слепое подражание и разумное заимствование. Общественные деятели угнетенных народов, ставшие на путь борьбы за национальное возрождение, в своей работе должны опираться на мировоззрение народа, приспособляя к нему необходимые заимствования [21, с. 272]. Народная самодеятельность являлась главным источником прогресса. Если на ее место встает государство, то оно неизбежно будет ломать народную жизнь, а сам народ начнет отставать в своем развитии.

Для характеристики взглядов Будды и Конфуция Э. Хара-Даван использовал термин «бытовое исповедничество», о котором много писали и евразийцы. Он отделял принципы любви и уважения к ближнему, на которых стоит Восток, и события политической истории Европы, наполненной войнами, которые случались там гораздо чаще, чем в Азии. Различия в ценностях заключались в идеалах: в Европе это миллионер, в Азии — сверхчеловек (йога, Махатма, нирвана, бодисатва и Будда) [22]. Сравнивая религиозную жизнь Востока и Запада, Э. Хара-Даван видел наибольшую гармонию между религией и бытом в восточных странах, где господствует духовная культура. В противовес этому в Европе господствуют капитал и техника, «воинствующий экономизм», материальная культура, противоречащая христианству. Неудивительно, что на Востоке появились все мировые религии. Жители европейских стран в подавляющем большинстве имеют формальную связь с религией, материалистическая основа жизни европейских народов ставит во главу угла стремление к материальным благам. Для них характерно формальное отношение к религии, которое Э. Хара-Даван видел во всем — в роли священников в обществе, в отношении к браку, в исполнении постов и церковных обрядов, даже в используемых ругательствах. Русский народ по своему «бытовому исповедничеству» ближе к восточным религиям. Интересно, что, утверждая этот тезис, Э. Хара-Даван ссылаясь на митрополита Антония, а не на евразийцев [34, с. 14].

История Европы представляет собой историю войн и приготовлений к ним. На востоке после походов Чингисхана международные войны, в силу влияния буддизма, случались не так часто. Сравнивая внутреннюю политику стран Запада и Китая, Э. Хара-Даван говорил о предпочтительности китайского опыта, когда его правящий отбор — духовная аристократия — формируется с помощью экзаменов в знании наук и священных книг, и только такие люди имели право занимать министерские и губернаторские посты. Он считал, что китайская интеллигенция ведет народ к достижению неосознанных национальных целей, в то время как западная партийная система находится на услужении прихоти голосующей толпы. Китайский стиль, когда относительно небольшая группа чиновников из интеллигенции управляет огромной массой людей, он называл «демотией» [35, с. 13]. Западный человек верил в превосходство своей культуры и поэтому не считал нужным изучать «душу» восточного человека, культуру и государственность Востока. Э. Хара-Даван был уверен в устойчивости Китая к революциям и смутам, поскольку он был устремлен назад, опирается на ясное прошлое, на учение Конфуция и буддизм. Он считал, что из европейских ученых только евразийцы впервые провозглашали подобные принципы [35, с. 13].

Э. Хара-Даван рассматривал эволюцию великих империй на примере Греческой, Римской, Монгольской и Российской, видя тождество в исторической закономерности их судьбы. Он сравнивал Чингисхана с Бисмарком, а Монгольскую империю с Римской и Греческой и указывал, что создать такую державу помогли сильная культура, военная и административная организация [25, с. 5]. Он отрицал критерий оседлости как показатель «культурности» народа, говоря о высоких полководческих талантах Чингисхана, Субедея и Джебе-нойона, что само по себе свидетельствовало о развитом монгольском обществе XIII в.

Все указанные империи прошли через три идентичных этапа: накопление энергии национальности и формирование однонационального государства, расцвет национальности и эпоха империализма с колониальными захватами, период упадка господствующей национальности, распад империй, освобождение и возрождение угнетенных наций [37, с. 8]. Первый этап в истории Греческой империи олицетворялся борьбой с Персией и походами Александра Македонского, у Римской империи — был связан с пуническими войнами. Развитие наций на этом этапе стимулировалось внешней опасностью, и для него было характерно быстрое развитие военной техники, литературы, государственного строительства. Второй этап состоял в империалистическом расширении. Империализм, по мнению Э. Хара-Давана, представляет собою продолжение национализма. Однако расширение вело к упадку сил, росту влияния чужих культур, падению духовной мощи нации, переходу завоевателей к мирной жизни, при которой «воители и странствующие торговцы превращаются в землевладельцев и бюрократов». Социальное развитие общества характеризовалось демократизацией, уравниванием сословий, исчезновением старых корпораций, привилегий и преимуществ, падением общественных нравов. Такие этапы прошло в своем развитии монгольское государство. Эпоха роста была связана с завоеваниями XIII в. Но уже к его концу монголы денационализировались и растворились в восточных культурах, перешли к мирной жизни, наладив государственный аппарат и подвергшись воздействию персидской и китайской культур.

Империалистический период расширения России начался при Иванах III и IV. При Иване Грозном Московское царство стало многонациональным и вступило на путь национализма. «С тех пор “инородцы” в России в течение 400 лет находились под политическим, экономическим и культурным гнетом» [30, с. 10]. Своего пика империалистический период достиг в XVIII в. при Петре I и Екатерине II. Конец XIX в. характеризовался упадком, в полной мере проявившимся в годы мировой войны. Э. Хара-Даван отмечал социально-этнические параллели в развитии Римской и Российской империи. Русский XVIII и XIX вв., в ходе которых была утрачена самобытность и стерлись старинные традиции, соответствовали событиям римской истории, когда в эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновниками и откупщиками, но уже не были нацией [21, с. 268]. Московское государство из «татарской школы» вышло на широкую дорогу великодержавности и самобытной культуры. Э. Хара-Даван указывал и на расцвет русского Православия под защитой ханов Золотой Орды, и на то, что русский народ связан с монголо-туранскими общностью месторазвития. Ссылаясь на Н. С. Трубецкого, он писал о положительном влиянии туранской психики на русскую историю допетровского периода [34, с. 16]. Россия в несколько замедленном темпе повторяла путь великих империй: Греческой, Монгольской, Турецкой, Австро-Венгерской.

После Петра I бюрократия отделилась от народа и от образованного общества. В России оказались чуждые ей идеологии — нигилизм, атеизм, социализм, интернационализм и прочие «духовные ценности Запада», которые окончились коммунизмом. Российская империя пришла в состояние упадка, это выражалось в том, что коммунизм встретил

сопротивление только на ее окраинах: Кавказе, казачьих местностях, Дальнем Востоке, Средней Азии. Здесь национальное сознание, придавленное русификаторской политической эпохи империи, пробуждалось и вело нации к возрождению. Интересно, что в этой работе Э. Хара-Даван пишет о «суровой, но благотворной школе монгольского владычества», ссылаясь на С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, а не представителей евразийства, хотя тут же упоминает и о «европейской школе», окончившейся В. И. Лениным [31, с. 21]. «Единый плод двухсотлетней обрусительной политики — это обрусение инородческой интеллигенции, приобщившейся к европейской культуре через русскую призму» [38, с. 9].

Э. Хара-Даван всегда критически относился к политике русского правительства относительно инородцев, и в частности калмыков, подозревая его в желании русифицировать, оправославить народы. Он считал, что название «тюрьма народов» Российская империя вполне заслужила. Вспоминая свои студенческие годы, он писал, что при создании кружка студентов-калмыков все они обозначили общие цели, такие как развитие народного образования, собирание книг и изучение национальной литературы и истории. Э. Хара-Даван вспоминал, как калмыцкие студенты ходили на выступления либеральных профессоров и политиков, рассчитывая, что с падением самодержавия и установлением демократической власти все русификаторские мероприятия будут отменены. Главной целью было освобождение калмыцкого народа от попечительской власти и передача ее самому калмыцкому народу. Сам Э. Хара-Даван, занимаясь аграрным вопросом, приходил к выводу о необходимости остановки русской колонизационной волны, поскольку она вытесняла калмыков на худшие земли, и в целом выступал за прекращение русификаторской политики в отношении калмыцкого народа [28, с. 31].

Характеризуя «тупики и исходы» русской революции, Э. Хара-Даван писал о самодержавии как наследии монгольского ханата XIII в. и большевизме как наследии европейской культуры XIX в. Большевики в отличие от белых имели идейный пафос на верхах и фанатизм в низах, свою утопичную, но понятную массам идеологию. Идеологи революции рассчитывали на военный коммунизм, который окончился нэпом, и на разжигание мировой революции, попытки прорыва в Германию, приведшие к поражению в Польше и фиаско в Китае. Это тупики красного пути революции, которые приведут к ее ликвидации, но положительной стороной будет освобождение и расцвет народов с их самобытной культурой [36, с. 12].

Белое движение идеологии и пафосу красных не смогло противопоставить ни внятной программы, ни конкретных идей. Лозунги А. И. Деникина о «единой и неделимой России» встречали непонимание на окраинах страны, ставших базой белого движения, и гораздо более ярко звучал лозунг «самоопределения народов», выдвинутый большевиками. Либерально-демократическая общественность оказалась оторванной от народа и была неспособна дать белому движению никакой идеологии или пафоса. Критически Э. Хара-Даван относился к возможностям русской эмиграции к объединению, считая что это может произойти только на отрицательной программе — свержении советской власти, но после этого все политические партии готовятся вступить в борьбу на родине, опираясь на старые идеологии и не учитывая изменений в сознании, произошедших после 1917 г.

Революция стала прямым следствием копирования европейской культуры. Э. Хара-Даван видел завоевания революции в пробуждении национального самосознания и в духовно-политическом возрождении калмыцкого народа, административном объединении калмыков, проживающих на Юге России. Образование национальных государств, выделившихся из Австро-Венгрии и Российской империи, расширение прав доминионов

Великобритании говорило о наступлении эпохи, благоприятной для разрешения национального вопроса. Такие эпохи характеризовались борьбой нового и старого мировоззрений. После двух столетий политики русификации национальная интеллигенция бывшей Российской империи, в отличие от своих народов, успела приобщиться к ценностям Запада. Перед калмыцкой интеллигенцией стояли два пути: отвергнуть самобытность и вести калмыков к скорейшей ассимиляции с русским народом или признать, что калмыцкий народ является отдельной нацией.

Э. Хара-Даван положительно оценивал такие завоевания 1917 г., как самоопределение народов, федеративное и автономное устройство, считая, что они открывают калмыкам возможность административного объединения и светлого политического будущего. Ближайшие задачи калмыцкого народа он видел в осознании себя как отдельной нации со своей культурой, письменностью и религией, в административном объединении в рамках Донского, Астраханского казачьих войск или Юго-Восточного Союза, т.е. в рамках какого-либо административного образования на Юге России. Даже наиболее русифицированная часть калмыцкого народа (сальские калмыки) должна была войти в это объединение [25, с. 8].

Будущее он видел в уничтожении власти коммунистического центра, независимости в области внутреннего управления с правом законодательства, в создании федерации калмыцких и казачьих территорий, «Союза казачьих войск или Юго-Восточного союза» и постепенной федерализации прилегающих территорий. Обращаясь к атаману Всевеликого Войска Донского генералу А. П. Богаевскому, критикуя его за отказ в помощи при постройке буддийского храма, он говорил о югославских калмыках-казаках, указывая на тесную связь между ними [26; 27]. Э. Хара-Даван критиковал и часть калмыцкой интеллигенции, считая, что русифицированная дореволюционная школа денационализировала ее, и связывал свои надежды с молодежью [31, с. 23].

Э. Хара-Даван выдвигал программу изучения калмыцкой литературы, насчитывающую пять пунктов. Первый из них включал собирание и систематизацию народной устной и письменной литературы, создание грамматики калмыцкого языка для начальной школы и подготовку калмыцко-русского словаря для изучения русского языка. Интересно, что он призывал изучать калмыцкую письменность и алфавит и протестовал против его перевода на кириллицу или латиницу [23, с. 22].

Рассматривая взгляды «пореволюционных» эмигрантских объединений, Э. Хара-Даван писал, что все русские политические партии стояли и стоят на принципе «единой и неделимой России с сильной центральной властью». Только небольшая группа эсеров во главе с В. Черновым и Гуревичем предлагала создать «Лигу народов Востока Европы», за что и была исключена из партии. Партия «утвержденных» выступала за союз свободных народов, евразийцы предполагали федеративное устройство России по советской Конституции. Но Э. Хара-Даван говорил о том, что сама Конституция носила фиктивный характер и ее нормы противоречили федерализму, поэтому евразийцы и примыкающие к ним пореволюционные партии, видевшие в ней рациональное зерно, не могут удовлетворить нужды народов. Он считал, что любая власть в России, «будь то какая-нибудь “идеократия” в виде “единой и единственной партии евразийской” или тому подобной вернется на тот же излюбленный путь — путь обмана» [30, с. 6]. В такой многонациональной стране, как Россия, власть одной партии превращается в диктатуру русского народа над суммой других. Говоря о «диктатуре русского народа», Э. Хара-Даван фактически имел в виду не сам народ, а государственную власть.

Э. Хара-Даван считал, что и императорская, и демократическая, и коммунистическая власть одинаково обманывали национальные окраины. Несмотря на провозглашение Де-

кларации прав народов России, диктатура компартии вела в национальном вопросе «ту же русскую империалистическую политику» [30, с. 5]. Он крайне скептически относился к советской Конституции, считая, что она отбирает у народов России даже те права, которые не трогало царское правительство. Совет национальностей формировался таким способом, что большинство голосов принадлежало в нем РСФСР, а не остальным республикам, а сам он стал «фиктивным учреждением, прикрывающим опять-таки диктатуру русских» [30, с. 8]. Народы СССР в соответствии с Конституцией получили формальное право на самоопределение, но фактически «едва удерживаются в пределах России железной коммунистической диктатурой». В итоге народы и национальности России были обмануты и царской (когда из Государственной думы были изгнаны представители «инородцев»), и демократической (когда вместо борьбы с большевизмом она боролась с национально-освободительными движениями народов России: с Украиной, казачеством и др.), и коммунистической властью.

Э. Хара-Даван считал, что в XX в. парламентскую демократию сменяет идеократия, существующая в СССР, Германии, Италии и Турции. Фашизм является идеократическим строем, чье учение можно назвать ярко выраженным национализмом. После забвения концепта нации в XIX в. родилась новая эпоха, проникнутая «пафосом национально-го возрождения в форме фашизма» [32, с. 92]. Поэтому фашизм появился в однопациональных государствах, таких как Германия, Италия, Турция. Он призывал «организаторов русского фашизма» не рассчитывать на все народы бывшей Российской империи, поскольку каждый из них является соборной личностью. За 15 лет, прошедших после революции 1917 г., народы, входящие в состав СССР, вполне приготовились к самостоятельной национальной жизни. В качестве примера Э. Хара-Даван приводил различные перипетии внутренней борьбы и системы организации власти в республиках СССР, видя в местных коммунистах новых вождей для угнетенных национальностей.

Процессы национального освобождения и самоопределения Э. Хара-Даван видел не только в Европе, но и в Африке и Азии, в частности в Китае, и говорил о том, что близится момент, когда европейцы утонут в «черном море Африки» [29, с. 50]. Он прогнозировал и новые геополитические синтезы: образование сверхнациональных объединений (в этом он был действительно близок К. А. Чхеидзе), таких как Пан-Европа, Союза народов Китайской и Индокитайской республики; союза народов Индии и союза народов Государства Российского («Российских Соединенных Штатов») [29, с. 51]. Будущее калмыцкого народа он связывал с борьбой за утверждение права народов на выход из советской «федерации», ее замены конфедерацией — Союзом Народов. Такая форма будет притягательна для других осколков Российской империи — стран Прибалтики и Галицийской Украины, так как будет давать «все преимущества великого государства при сохранении национальной самостоятельности каждого народа» [29, с. 51].

Заключение

Таким образом, на взгляды Э. Хара-Давана определенное влияние оказала евразийская концепция. Исторический путь России евразийцы и Э. Хара-Даван оценивали примерно в одном ключе: говорили о «бытовом исповедничестве», роднившим русский народ с восточными культурами, о благотворном влиянии «монгольского этапа» истории, критиковали европейский вектор развития императорской России. Революцию он воспринимал вполне в «евразийском» ключе — как итог двухсотлетней политики европеизации. Она стала закономерным итогом господства европейской культуры в стране, однако она привела и к положительным последствиям — пробуждению национального самосознания. Характеризуя ее, Э. Хара-Даван писал о блеске силы и о тусклости слабости

души русского народа, о «благоухании лучших черт народного характера и о смердящем дуновении диких страстей и пороков» [36, с. 12].

Схема развития великих империй, проходивших стадии национализма, империализма и космополитизма, была во многом тождественна мыслям П. Н. Савицкого, опубликованным еще до революции [16]. Однако последний писал об «империалистических заданиях» России. Э. Хара-Даван, напротив, считал, что после того как великие народы захватывают новые территории, национализм перерождается в империализм и космополитизм и завоеванные народы рано или поздно отделяются. Национализм великорусского народа выродился в интернационализм и, с одной стороны, привел к глубокому упадку, с другой — коммунизм не встретил сопротивления собственно на русских территориях, столкнувшись с ним лишь на «национальных окраинах», там где пробудившееся после двух веков русификации национальное начало являлось признаком возрождения этих народов.

На этом тождества заканчивались. Будущее Э. Хара-Даван видел в образовании национальных государств: Великороссии, Белоруссии, Украины, Крыма, Казаксии (казачье государство), Кавказской и Туркестанской федерации. Он не верил, что какая-то из партий, в том числе и евразийская, в случае прихода к власти сможет обеспечить права национальных окраин. Э. Хара-Даван критиковал императорскую Россию, называя ее «тюрьмой народов», за русификаторскую политику в отношении национальных окраин. Он связывал ее с европеизацией и господством европейской культуры, оценивая это так же негативно, как и евразийцы. Но будущее он видел не в создании евразийской идеократии с демотическим строем правления, а в национальном самоопределении калмыков. Границы такого самоопределения он обозначал по-разному. В основном у него преобладала идея конфедеративного объединения с казачеством и другими окрестными народами вплоть до Западной Украины и Прибалтики.

Из двух основных положений евразийства — концепта «Россия-Евразия» и антизападничества — Э. Хара-Даван взял только последнее. Характерно, что, утверждая постулаты, которые были практически идентичны евразийским, Э. Хара-Даван ссылаясь не на них, а на других представителей русской общественно-политической мысли. Его проекты будущего принципиально противоречили концепции «России-Евразии» как особого континента, предсозданного для исторического культурного и политического единства. Если в плане истории и культуры он находил общие черты, то его политическая программа исходила из собственного видения национальной проблемы и не только не пересекалась, а прямо противоречила евразийской доктрине.

В творчестве Э. Хара-Давана полностью отразился современный ему уровень развития научной и общественно-политической мысли России начала XX века, и он представил собственное видение решения национального вопроса в России и будущего устройства калмыцкого народа.

Список источников

1. Алексеева П. Э. Предисловие // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 3—6.
2. Алексеева П. Э. Эренжен Хара-Даван и его книга о Чингис-хане // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 112—118.
3. Антонова Е. А., Мухамедьяров Ш. Евразийство с точки зрения калмыка // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 33—37.
4. Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XIII—XIV вв. 2-е изд. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1991. С. 211—218.

5. Быстрыков В. Ю. Евразийство с точки зрения Эренжена Хара-Давана // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. № 67 (3). С. 945—960. DOI: 10.21638/spbu02.2022.316.
6. Вахитов Р. Р. Эренжен Хара-Даван и его взгляды по национальному вопросу // Ватандаш. 2017. № 5 (248). С. 173—184.
7. Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Чингисхан — неожиданный ракурс // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 21—30.
8. Дониорова Г. А. Евразийская идея в трудах Э. Хара-Давана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 1 (20). С. 16—20.
9. Кузьмин Ю. В. Книга из прошлого // BULLETIN. The IAMS News Information on Mongol Studies. Ulaanbator : The Secretariat of the International Association for Mongol Studies. 1994. № 1 (13). С. 114—115.
10. Кушнир Е. Н. Э. Хара-Даван о проблеме монгольского влияния на развитие Руси-России // Современные научные исследования: актуальные проблемы и тенденции. Омск : ОИВТ (фил.) ФГБОУ ВО «НГАВТ», 2014. С. 291—301.
11. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М. : Сварог и К, 2000. 408 с.
12. Лазарев Е. С. Харизматическое бремя полярного мифа // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 76—92.
13. Малышева С. Евразиец Хара-Даван: казанская страничка // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 118—122.
14. Миленкович Т. О докторе Эренжене Хара-Даване // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 43—54.
15. Очиров У. Б. Политическая деятельность Э. Хара-Давана в период Гражданской войны // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 100—111.
16. Савицкий П. Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. 1915. № 1. С. 51—77.
17. Сарангов Д. В., Боваев Н. Б. Тема национального объединения в работах калмыцких эмигрантов Э. Д. Хара-Давана, Б. Б. Кушлынова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 50—52.
18. Сорокина Г. А. Э. Хара-Даван — калмыцкий представитель русского зарубежья // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 1. С. 145—150.
19. Тараторин Д. Великий Миротворец // Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингисхан и монголосфера. М. : Аграф, 2002. С. 5—7.
20. Топалова Д. Ю. Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е — начало 1930-х гг.) // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 2 (42). С. 195—206. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206.
21. Хара-Даван Э. Денационализация и ассимиляция наций // Эренжен Хара-Даван и его наследие : сб. статей и материалов / сост. П. Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. С. 265—272.
22. Хара-Даван Э. Заря Востока // Ковыльные волны. 1933. № 7. С. 12—24.
23. Хара-Даван Э. Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа // Ойрат. Издание инициативной группы студентов-калмыков в ЧСР / отв. ред. Д. Н. Баянова. Белград : Издание д-ра Э. Хара-Давана, 1925. С. 19—22.
24. Хара-Даван Э. История национального вопроса // Вольное казачество. 1933. № 128. С. 11—12.
25. Хара-Даван Э. К вопросу о национальном объединении // Ойрат. Издание инициативной группы студентов-калмыков в ЧСР / отв. ред. Д. Н. Баянова. Белград : Издание д-ра Э. Хара-Давана, 1925. С. 5—8.
26. Хара-Даван Э. К полемике генерала Богаевского и Ш. Балинова // Ковыльные волны. Париж, 1930. № 1. С. 49—50.
27. Хара-Даван Э. Калмыки в Югославии // Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч.С.Р. Прага, 1930. № 1. С. 60.
28. Хара-Даван Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Ковыльные волны. 1932. № 5. С. 26—31.
29. Хара-Даван Э. Национальный вопрос // Утверждения (Affirmations. Revue trimestrielles). Париж, 1932. № 3. С. 49—53.
30. Хара-Даван Э. Национальный вопрос в разрешениях русских политических партий // Ковыльные волны. 1933. № 6. С. 4—10.
31. Хара-Даван Э. О наших национальных задачах // Ковыльные волны. 1930. № 1. С. 20—23.
32. Хара-Даван Э. Обращение к молодежи // Ковыльные волны. 1934. № 9. С. 91—92.
33. Хара-Даван Э. Пути решения национальной проблемы // Улан Залат. 1930. № 3. С. 33—35.

34. Хара-Даван Э. Религия в быте Запада и Востока // Вольное казачество. 1930. № 61—62. С. 14—16.
35. Хара-Даван Э. Религия в быте Запада и Востока // Вольное казачество. 1930. № 63—64. С. 11—13.
36. Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 56. С. 11—13.
37. Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 57. С. 7—9.
38. Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 58. С. 9—10.

References

1. Alekseeva P. E. Predislovie [Foreword]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 3—6. (In Russian)
2. Alekseeva P. E. Erenzhen Khara-Davan i ego kniga o Chingis-khane [Erenzhen Khara-Davan and his book about Genghis Khan]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 112—118. (In Russian)
3. Antonova E. A., Mukhamed'yarov Sh. Evraziistvo s tochki zreniya kalmyka [Eurasianism from the perspective of a Kalmyk]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 33—37. (In Russian)
4. Burchinova L. S. Posleslovie [Afterword]. Khara-Davan E. *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie. Kul'turno-istoricheskii ocherk Mongol'skoi imperii XIII—XIV vv. 2-e izd.* [Khara-Davan E. Genghis Khan as a commander and his legacy. Cultural and historical essay of the Mongol Empire of the XIII—XIV centuries. 2nd ed.] Elista, Kalmyk book Publ., 1991, pp. 211—218. (In Russian)
5. Bystryukov V. Yu. Evraziistvo s tochki zreniya Erenzhena Khara-Davana [Eurasianism from the Point of View of Erenzen Khara-Davan]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya — Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, no. 67 (3), pp. 945—960. DOI: 10.21638/spbu02.2022.316. (In Russian)
6. Vakhitov R. R. Erenzhen Khara-Davan i ego vzglyady po natsional'nomu voprosu [Erenzhen Khara-Davan and his views on the national question]. *Vatandash*, 2017, no. 5 (248), pp. 173—184. (In Russian)
7. Gumilev L. N., Ermolaev V. Yu. Chingiskhan — neozhidannyi rakurs [Genghis Khan — an unexpected angle]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 21—30. (In Russian)
8. Donirova G. A. Evraziiskaya ideya v trudakh E. Khara-Davana [The Eurasian Idea in E. Khara-Davan's Works]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii — Issues of National and Federative Relations*, 2013, no. 1 (20), pp. 16—20. (In Russian)
9. Kuz'min Yu. V. Kniga iz proshlogo [Book from the past]. *BULLETIN. The IAMS News Information on Mongol Studies*. Ulaanbator, The Secretariat of the International Association for Mongol Studies, 1994, no. 1 (13), pp. 114—115. (In Russian)
10. Kushnir E. N. E. Khara-Davan o probleme mongol'skogo vlianiya na razvitie Rusi-Rossii [Khara-Davan on the problem of Mongolian influence on the development of Rus'-Russia]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye problemy i tendentsii* [Modern scientific research: current problems and trends]. Omsk, OIIVT (fil.) FGBOU VO "NGAVT" Publ., 2014, pp. 291—301. (In Russian)
11. Lavrov S. B. *Lev Gumilev. Sud'ba i idei* [Lev Gumilyov. Fate and ideas]. Moscow, Svarog i K Publ., 2000. 408 p. (In Russian)
12. Lazarev E. S. Kharizmaticheskoe bremya polyarnogo mifa [The Charismatic burden of the Polar myth]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 76—92. (In Russian)
13. Malysheva S. Evraziets Khara-Davan: kazanskaya stranichka [Eurasian Khara-Davan: Kazan page]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 118—122. (In Russian)
14. Milenkovich T. O doktore Erenzhene Khara-Davane [About Dr. Erenzhen Khara-Davan]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 43—54. (In Russian)
15. Ochirov U. B. Politicheskaya deyatel'nost' E. Khara-Davana v period Grazhdanskoj vojny [Political activity of E. Khara-Davan during the Civil War]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 100—111. (In Russian)

16. Savitskii P. N. Bor'ba za imperiyu. Imperializm v politike i ekonomike [Fight for an empire. Imperialism in politics and economics]. *Russkaya mysl'*, 1915, no. 1, pp. 51—77. (In Russian)
17. Sarangov D. V., Bovaev N. B. Tema natsional'nogo ob'edineniya v rabotakh kalmytskikh emigrantov E. D. Khara-Davana, B. B. Kushlynova [The theme of national unification in the works of Kalmyk emigrants: E. D. Khara-Davan, B. B. Kushlynov]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki — Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities*, 2018, no. 7, pp. 50—52. (In Russian)
18. Sorokina G. A. E. Khara-Davan — kalmytskii predstavitel' russkogo zarubezh'ya [E. Khara-Davan — Kalmyk representative of the Russian diaspora]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*, 2014, no. 1, pp. 145—150. (In Russian)
19. Taratorin D. Velikii Mirotvorets [The Great Peacemaker]. *Khara-Davan E. Rus' mongol'skaya: Chingiskhan i mongolosfera* [Khara-Davan E. Mongolian Rus': Genghis Khan and the Mongolosphere]. Moscow, Agraf Publ., 2002, pp. 5—7. (In Russian)
20. Topalova D. Yu. Obshchestvenno-kul'turnaya deyatel'nost' kalmytskoi emigratsii (1920-e — nachalo 1930-kh gg.) [Socio-cultural activities of the Kalmyk Expatriate community (1920s — early 1930s)]. *Oriental Studies*, 2019, vol. 12, no. 2 (42), pp. 195—206. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-195-206. (In Russian)
21. Khara-Davan E. Denatsionalizatsiya i assilyatsiya natsii [Denationalization and assimilation of nations]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie: sbornik statei i materialov* [Erenzhen Khara-Davan and his legacy. A collection of articles and materials]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 265—272. (In Russian)
22. Khara-Davan E. Zarya Vostoka [Dawn of the East]. *Kovyl'nye volny*, 1933, no. 7, pp. 12—24. (In Russian)
23. Khara-Davan E. Izuchenie sposobov i putei dlya kul'turnogo vrozozhdeniya kalmytskogo naroda [Study of methods and ways for the cultural revival of the Kalmyk people]. *Oirat. Izdanie initsiativnoi gruppy studentov-kalmykov v ChSR, otv. red. D. N. Bayanova* [Oirat. Edition of the initiative group of Kalmyk students in ChSR. Ed. by D. N. Bayanova]. Belgrad, d-r E. Khara-Davan Publ., 1925, pp. 19—22. (In Russian)
24. Khara-Davan E. Istoriya natsional'nogo voprosa [History of the national question]. *Vol'noe kazachestvo*, 1933, no. 128, pp. 11—12. (In Russian)
25. Khara-Davan E. K voprosu o natsional'nom ob'edinenii [On the issue of national unification]. *Oirat. Izdanie initsiativnoi gruppy studentov-kalmykov v ChSR, otv. red. D. N. Bayanova* [Oirat. Edition of the initiative group of Kalmyk students in ChSR. Ed. by D. N. Bayanova]. Belgrad, d-r E. Khara-Davan Publ., 1925, pp. 5—8. (In Russian)
26. Khara-Davan E. K polemike generala Bogaevskogo i Sh. Balinova [To the controversy between General Bogayevsky and Sh. Balinov]. *Kovyl'nye volny*. Parizh, 1930, no. 1, pp. 49—50. (In Russian)
27. Khara-Davan E. Kalmyki v Yugoslavii [Kalmyks in Yugoslavia]. *Informatsiya Kalmytskoi Komissii Kul'turnykh Rabotnikov v Ch.S.R.* [Information of the Kalmyk Commission of Cultural Workers in the Czech Republic]. Praga, 1930, no. 1, pp. 60. (In Russian)
28. Khara-Davan E. Kalmytskie studenty-pionery [Kalmyk pioneer students]. *Kovyl'nye volny*, 1932, no. 5, pp. 26—31. (In Russian)
29. Khara-Davan E. Natsional'nyi vopros [National question]. *Utverzhdeniya (Affirmations. Revue trimestrielles)* [Statements (Affirmations. Revue trimestrielles)]. Parizh, 1932, no. 3, pp. 49—53. (In Russian)
30. Khara-Davan E. Natsional'nyi vopros v razresheniyakh russkikh politicheskikh partii [The national question in the permits of Russian political parties]. *Kovyl'nye volny*, 1933, no. 6, pp. 4—10. (In Russian)
31. Khara-Davan E. O nashikh natsional'nykh zadachakh [About our national tasks]. *Kovyl'nye volny*, 1930, no. 1, pp. 20—23. (In Russian)
32. Khara-Davan E. Obrashchenie k molodezhi [Appeal to youth]. *Kovyl'nye volny*, 1934, no. 9, pp. 91—92. (In Russian)
33. Khara-Davan E. Puti resheniya natsional'noi problemy [Ways to solve the national problem]. *Ulan Zalat*, 1930, no. 3, pp. 33—35. (In Russian)
34. Khara-Davan E. Religiya v byte Zapada i Vostoka [Religion in the life of the West and East]. *Vol'noe kazachestvo*, 1930, no. 61—62, pp. 14—16. (In Russian)
35. Khara-Davan E. Religiya v byte Zapada i Vostoka [Religion in the life of the West and East]. *Vol'noe kazachestvo*, 1930, no. 63—64, pp. 11—13. (In Russian)
36. Khara-Davan E. Tupiki i iskhody russkoi revolyutsii [Dead Ends and Outcomes of the Russian Revolution]. *Vol'noe kazachestvo*, 1930, no. 56, pp. 11—13. (In Russian)
37. Khara-Davan E. Tupiki i iskhody russkoi revolyutsii [Dead Ends and Outcomes of the Russian Revolution]. *Vol'noe kazachestvo*, 1930, no. 57, pp. 7—9. (In Russian)

38. Khara-Davan E. Tupiki i iskhody russkoi revolyutsii [Dead Ends and Outcomes of the Russian Revolution]. *Vol'noe kazachestvo*, 1930, no. 58, pp. 9—10. (In Russian)

Информация об авторе

В. Ю. Быстрыков — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

V. Yu. Bystrykov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023;
принята к публикации 20.05.2023

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 12.04.2023;
accepted for publication 20.05.2023